

Холли Вебб

Три секрета под одной крышей

#эксмогемство

Холли Вебб

Три секрета под одной крышей

Серия «Холли Вебб.

Вдохновляющие книги», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63749637

Три секрета под одной крышей:

ISBN 978-5-04-112128-0

Аннотация

Эта история начинается в Лондоне осенью 1939 года...

Молли никогда не думала о себе как о смелой или отважной девочке. Но когда угроза нависла над её лучшим другом пёсиком Бerti, Молли, терзаясь сомнениями, схватила его в охапку и отправилась в путь. Правда, Молли не думала, что ей будет так трудно, голодно и одиноко. Вместе с ещё двумя ребятами Молли находит новый дом. Только у каждого из них троих свой секрет. И раскрытие любого из этих секретов грозит им новыми скитаниями. Но всё тайное рано или поздно становится явным...

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	38
Глава четвёртая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Холли Вебб
Три секрета под
одной крышей

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Эшу, Робину и Уиллу

Глава первая

Молли вошла в магазин и невольно поморщилась, когда над дверью звякнул колокольчик. Никто не может войти и выйти без ведома мамы. Девочка вдохнула знакомый, чуть едкий запах новых тканей, шариков нафталина и пряжи для вязания и попыталась потихоньку проскользнуть за прилавок и шмыгнуть в дверь, ведущую в кладовую, откуда можно было пройти в их крошечную квартиру в задней части дома.

– И где ты была, мисс гулёна? – спросила мама, перегнувшись через прилавок и указав на Молли вязальной спицей, зажатой в руке.

Молли невинно распахнула глаза:

– В школе. На инструктаже перед эвакуацией. Ты же знаешь, нам надо ходить каждый день.

– Да-да, знаю. Но почти все ребята из вашего класса уже давно дома, – сердито проговорила мама. – Ты опять где-то разгуливала со своими подружками? И испачкала платье. Посмотри на себя!

Молли быстро стряхнула засохшую грязь с подола своего голубого хлопчатобумажного платья. Она одевалась намного лучше большинства своих одноклассниц, потому что мама шила ей платья и юбки из остатков красивых тканей, которых в её магазине всегда было много, но иногда так хочется ходить в самых обычных тёмных немарких платьях, которые

не пачкаются каждый раз, стоит только пройтись по улице.

– Извини, мам. Я, наверное, случайно задела подолом о стену...

– Где ты была?

– В парке у школы, с девочками. Мы говорили об эвакуации. – Молли умоляюще посмотрела на маму. Ей так хотелось хоть ненадолго вырваться на свободу – погулять в парке с подружками, а не сразу бежать домой к маме, которой всегда надо знать, где и с кем она была. Девочка собиралась сказать, что их задержали на инструктаже, но она не учла, что мама увидит, как остальные её одноклассники возвращаются домой.

Молли сцепила пальцы за спиной и прикусила губу, очень стараясь не улыбнуться. Салли и Джин в парке горько плакали – не хотели ехать в эвакуацию. Вернее, хотели, но вместе с родителями. При одной только мысли, что предстоит расставание с мамой, им сразу делалось плохо. Молли пыталась их подбодрить. По крайней мере, мы будем все вместе, говорила она. На самом деле, Молли точно не знала. Но в школе сказали, что они едут все вместе, но куда именно – пока неизвестно. Вроде бы есть какой-то приказ, что ученики одной школы должны эвакуироваться в одно место. Как бы там ни было, Молли немного пошмыгала носом и притворилась, что ей тоже грустно, раз уж Салли и Джин так горевали, но если честно, грустно ей вовсе не было, даже наоборот... Её переполняло радостное волнение. Она никогда в жизни не

выезжала из Лондона. Да и в самом Лондоне не бывала почти нигде, кроме дома, школы и ближайших от дома и школы кварталов. Сразу после уроков ей полагалось идти домой, а не «разгуливать со своими подружками». Так было всегда: каждый день одно и то же – а теперь всё будет по-другому. По-новому. Молли любит маму – конечно любит, – но это не значит, что она должна постоянно находиться не дальше чем в двух шагах от неё. Впрочем, уже через несколько дней всё изменится. Наверное, изменится.

Никто не знал, что происходит. Даже учителя толком не знали. Будет эвакуация или нет? Учителя носились по школе со списками, письмами и новостями из газет, но никто ни в чём не был уверен. Сегодня ребята, пришедшие на инструктаж, просидели всё утро на полу в вестибюле. Ученики пели хором, а учителя, сбившись в кучу в углу, изучали какие-то бумаги. Вчера было так же. И позавчера, и позапозавчера. Но сегодня ребята уже начали шептаться.

– Нам снова напоминали, что надо взять, – сказала Молли, сочиняя на ходу. – Наша учительница говорит, у всех родителей должен быть список. Домашние туфли. Фланелевая ночная рубашка и... я не помню всего. У тебя должен быть список...

На самом деле она помнила всё, что было в списке. Она его выучила наизусть, как стихотворение. Но, глядя на строгое, замкнутое лицо мамы, Молли решила, что будет лучше, если она притворится, будто не помнит.

– Список есть, – вмешалась Стелла, выглянув из кладовки. – Он в той стопке бумаг под коробкой для чая. Могу принести.

Молли с благодарностью посмотрела на старшую сестру. Учительница говорила, что надо взять с собой по возможности больше вещей из списка. Всё, что есть дома и что родители смогут купить. Сложить всё в чемодан. Можно в мешок или даже в наволочку, быстро добавила учительница, наткнувшись на непонимающие взгляды детей. Молли знала, что на шкафу в коридоре на втором этаже лежит маленький чемоданчик, который как раз подойдёт. Если мама разрешит его взять. У Молли были все вещи из списка, чего не скажешь и о половине её одноклассников. Вот только мама даже и не начинала собирать её вещи. Молли знала, что мама Салли заложила в ломбарде своё лучшее платье, чтобы купить ночную рубашку для Салли и пижаму для её брата Пита, потому что в списке указана одежда для сна, а Салли с Питом всегда спали просто в трусах и майках. Каждый день на неделе инструктажа Салли с Питом носили с собой старый папин вещевой мешок, куда сложили все свои вещи. Никто не знал, когда поступит приказ о начале эвакуации, но всем школьникам уже велено быть наготове.

Когда им выдали списки вещей, Молли сразу прочла его маме, как только вернулась домой из школы. Мама слушала, фыркая и пыхтя, но как-то не очень внимательно: то перебирала катушки с нитками, то пересчитывала монетки в

ящичке под кассой, словно ей было неинтересно. В тот вечер Молли лежала в постели, мысленно представляя все вещи по списку и как она будет всё складывать в аккуратный маленький чемоданчик. Но чемоданчик так и лежал на шкафу в коридоре, её туфли так и оставались нечищеными, и мама не торопилась заштопать дыру на локте её кофты. Каждое утро на этой неделе Молли брала с собой в школу бумажный свёрток с чистыми носками и носовыми платками, а также противогаз и пальто, но не чувствовала себя готовой к отъезду. Словно она и вовсе никуда не едет.

Может быть, мама будет так сильно по ней скучать, что ей не хочется собирать её в дорогу?

Молли с тревогой взглянула на маму. А вдруг она не успеет собраться и окажется в поезде только с этим несчастным бумажным свёртком с носками и платками? Сегодня свёрток опять порвался и Молли по дороге из парка чуть не потеряла пару новых носков.

– Я могу снять со шкафа тот маленький чемоданчик, – предложила Стелла. – В него как раз всё поместится.

Кто-то шумно заскрёбся в дверь, и мама резко обернулась в ту сторону:

– Не пускайте сюда собаку!

Стелла привычным движением схватила Берти за ошейник, удерживая его на месте, а Молли встала на колени, чтобы почесать его под подбородком и потрепать по ушам. Берти блаженно зажмурился и прижался к её ноге.

– Ты уже выводила его гулять? – спросила Молли у Стеллы. Сестра покачала головой и украдкой взглянула на маму. Значит, Берти весь день просидел запертый в кухне. Он, наверное, отчаянно хочет гулять. Может быть, Стелла выпустила его во дворик за домом, чтобы он сделал свои дела, но это совсем не то.

– Ты сегодня уже нагулялась, – сказала мама, строго глядя на Молли. Потом с отвращением посмотрела Берти. – Выпусти его во двор и возвращайся сюда.

– Надо с ним погулять, – умоляюще проговорила Молли, но её голос сник. Стелла махнула рукой: мол, выпускай пса и не спорь.

Молли повесила противогаз на крючок у задней двери и осторожно вытолкала Берти во внутренний дворик. Потом с надеждой оглядела кухню, но ничего, чем можно было бы перекусить, не нашла. Она не ела весь день, только позавтракала перед школой – кусочком хлеба с маргарином, – но сейчас явно не лучшее время, чтобы заговаривать о еде.

В магазине звякнул колокольчик, и Молли поспешила туда. Она узнала вошедшую женщину. Это была их соседка, живущая на той же улице.

– У вас есть чёрная ткань, миссис Мейсон? – спросила она, почему-то смущаясь.

Моллина мама громко вздохнула.

– Мне нужно сшить светонепроницаемые занавески, – объяснила женщина. – Для затемнения. – Она беспомощно

огляделась по сторонам. – Я всё тянула с покупкой ткани, но теперь... Соседка сказала, по радио говорили, что затемнение будет объявлено уже завтра, так что откладывать дальше уже нельзя.

Молли заметила, что чулки у покупательницы все штопанные-перештопанные, а на боку одной туфли намечается трещинка. Наверное, ей придётся во многом себе отказать, чтобы купить ткань для тёмных штор.

– Остались только дорогие артикулы, – сказала мама. – Но эти ткани, конечно, плотнее и качественнее. В долгосрочной перспективе это будет хорошее вложение денег. Вот, например, замечательный чёрный атлас, по три шиллинга за ярд.

– Ох...

– В лавке у мистера Барфорда продаётся чёрная краска, – сказала Стелла, не обращая внимания на хмурые взгляды мамы. – Можно закрасить окна, если у вас нет... э... если сейчас неподходящее время для покупки ткани.

– Чёрная краска? – растерянно переспросила женщина, глядя на маму Молли, по-прежнему хмурую. – Но... если закрасить окна, будет темно всё время. Придётся включать свет даже днём.

– Да, – сказала Стелла. – Но так многие делают, чтобы сэкономить на ткани для штор.

– Мнимая экономия, дорогая. – Мама покачала головой. – Расход электричества выйдет гораздо дороже.

– Я возьму два ярда.

Женщина достала из старенькой потёртой сумочки кошелёк и принялась нехотя отсчитывать шесть шиллингов мелкими монетками в один и два пенса.

Когда покупательница ушла, мама сердито посмотрела на Стеллу:

– Зачем ты ей сказала про краску?! У тебя совсем ума нет?

– Мам, если будет война, мы все должны помогать друг другу, – пробормотала Стелла, беспомощно пожав плечами. – К тому же она всё равно не купила бы больше двух ярдов. Ты сама видела – у неё нет денег.

– А если она не закрасит свои остальные окна, то подвергнет опасности всех соседей, и нас в том числе, – заметила Молли. – Она живёт совсем рядом, на нашей улице. Билл Харпер говорит, что у немцев есть бомбы, которые могут взорвать полквартала.

– Я не забыла, что ты полдня где-то слонялась, вместо того чтобы заняться делом, – нахмурилась мама. – Идите со Стеллой в кладовку и сматывайте пряжу в клубки.

Молли не стала спорить, хотя и взглянула в сторону кухни и закрытой задней двери, за которой Берти один-единёшенек томился в крошечном внутреннем дворике. Молли очень переживала за Берти. Почти все соседи, у которых были собаки, выпускали их прямо на улицу совершенно одних, чтобы они гуляли сами по себе, но Молли боялась, что Берти попадёт под машину или его затопчет лошадь. Он мог запро-

сто выбежать на дорогу, не понимая, как там опасно. Стелла могла бы заботиться о нём получше. Могла бы убедить маму, что с ним надо гулять почаще: не только утром и вечером, но и в середине дня. В конце концов, Берти у них появился как раз из-за Стеллы. В последнее время у них в магазине буквально толпились молодые парни: спрашивали, краснея и заикаясь, пряжу бабушке для вязания или по полчаса перебирали товары на полках и в конце концов покупали одну катушку самых дешёвых ниток. На самом деле они приходили не за покупками, а чтобы хоть мельком увидеть Стеллу.

Один из парней и подарил ей Берти. Он работал посыльным в бакалейной лавке и приходил в магазин миссис Мейсон почти каждый день на протяжении многих недель: заглядывал на минутку «по пути», когда разносил продукты заказчикам. А если заказ делали сами Мейсоны, он всегда добавлял к их покупкам банку хороших консервов или варенья. Однажды парень пришёл к ним с оттопыренными карманами. В одном лежала банка тушёнки, в другом – щенок. Он отдал их Стелле – та машинально приняла подарки, не успев толком сообразить, что происходит, – и пригласил её в кино. Молли тоже при этом присутствовала, и ей показалось, что сестра готова была согласиться, но тут из-за прилавка выскочила мама, грозно сверкая глазами, как какая-нибудь королева-воительница из древних мифов, и предупредила, что если он ещё хоть раз посмеет побеспокоить её дочь, она заявит на него в полицию. Парень ушёл, но щенка оставил.

Молли боялась, что мама не разрешит им со Стеллой взять собаку. У них уже есть кот – огромный рыжий котище со скучным именем Том, – и мама его обожает. Вряд ли она захочет ещё и собаку. И действительно, мама сначала решила избавиться от щенка, но потом вспомнила, что на прошлой неделе обокрали лавку Барфорда, и кто-то из покупателей ей сказал, что в районе банда грабит маленькие магазины. От щенка может быть польза. Пока он ещё маленький, но скоро вырастет и станет отпугивать взломщиков, а может быть, и передушит всех крыс во внутреннем дворе.

Но Берти не очень-то вырос. Он был мелким, в основном белым и по большей части терьером, с жёсткой кудрявой шерсткой и мягкими, словно шёлковыми, ушами. Зато лаял он громко, раскатисто и басовито, как мог бы лаять огромный пёс раз в пять крупнее него. Молли казалось, что Берти сам каждый раз удивляется своему могучему голосу.

Когда Молли уедет в эвакуацию – если эвакуация всё-таки будет, – Стелле придётся заботиться о нём за двоих.

– Включите радио, – велела мама. – Если завтра собираются объявить затемнение, то лучше послушать, что ещё скажут. Они вечно что-нибудь выдумают.

Молли включила приёмник. Он стоял в крошечной гостиной за магазином, но, если сделать звук погромче, его было слышно даже в торговом зале.

Диктор как раз перечислял пункты длинного списка правительственных указаний относительно затемнения, перио-

дически прерываясь, чтобы объявить о наборе добровольцев в отряды гражданской противовоздушной обороны. Его голос, очень спокойный и мягкий, даже слегка убаюкивал Молли, которая помогала старшей сестре сматывать пряжу в клубки: занятие само по себе монотонное и клонящее ко сну. Возможно, рассеянно думала Молли, немецкие бомбы уже летят прямо на здание радиостанции, а диктор сидит в своей студии и продолжает читать информационные бюллетени. Стелла вдруг резко дёрнула за нитку пряжи, тянущуюся к клубку Молли, и та вскрикнула от неожиданности.

– Слушай! – Стелла наклонилась поближе к двери, чуть не вырвав клубок из рук Молли.

– Согласно сегодняшнему постановлению Министерства здравоохранения, эвакуация школьников начинается безотлагательно. Пожалуйста, следуйте указаниям, ранее объявленным в вашем районе. Эвакуация не означает, что война неизбежна...

Молли со Стеллой испуганно переглянулись. Они так долго ждали эвакуации – и вот теперь всё началось.

– Безотлагательно? – переспросила Молли. – Это значит прямо сейчас? Мне надо вернуться в школу? Но я даже не собралась! И у меня порвался пакет!

Стелла покачала головой:

– Нет, не прямо сейчас. Завтра утром. Как-то всё быстро случилось, да? Но ты успеешь собраться, не переживай.

Молли растерянно огляделась по сторонам. Мама стояла в

дверях, прижимая к груди вязание. Она закрыла собой свет, идущий из магазина, и в кладовке стало совсем темно. Молли со Стеллой тревожно заёрзали на табуретах.

– Ей надо идти собираться, мам, – сказала Стелла. – Я поглажу ей платье на завтра. Наверное, розовое. Оно чистое.

Мама покачала головой и ушла обратно в торговый зал, бросив через плечо:

– Она никуда не поедет.

Молли резко вскочила и чуть не упала, потому что ноги дрожали. Никуда не поедет?! Все дети едут в эвакуацию. Лондон будут бомбить. Так сказала учительница. В городе оставаться опасно. Можно попасть под бомбёжку, и тебя убьёт бомбой. А если не бомбой, то ядовитым газом. У всех ребят в школе есть противогазы, они каждый день тренировались их надевать, носили их с собой на все уроки. Крышки почтовых ящиков по всему Лондону покрашены специальной жёлто-зелёной краской, меняющей цвет при газовой атаке.

Если будет война, немцы сразу же начнут бомбить Лондон. Они попытаются выиграть войну мгновенно. Это все знают. Молли должна ехать в эвакуацию – ведь она ребёнок, а детей надо беречь. Их увезут в безопасное место, даже если взрослые останутся в Лондоне, где вовсе не безопасно.

Все едут в эвакуацию, все дети.

Стелла бросилась следом за мамой:

– Мам, что значит «она никуда не поедет»? Молли уже

внесли в списки на эвакуацию. Ты сама подписала разрешение и заполнила все документы. Ты говорила, что всё подписала.

– Я передумала.

– Но... Так нельзя. – Стелла покачала головой. – Просто нельзя. Ей надо уехать, мам. Ради её безопасности.

Молли подошла к сестре и вцепилась в рукав её жёлтой кофты. Эту кофту Стелла связала сама – и точно такую же связала и для Молли. Молли грустила при мысли о расставании с мамой. Но ещё больше она грустила, что расстанется со Стеллой и Берти. Стелла никогда на неё не давила, а вот мама давила. И ещё как! Даже сейчас у Молли было ощущение, что мама вцепилась в неё мёртвой хваткой, хотя та стояла на другом конце комнаты, тяжело опираясь о прилавок.

– С нами ей безопасно! – глухо проговорила мама. – Я не отправлю мою дочь непонятно куда, к чужим людям! Мы даже не знаем, куда они едут. И в школе тоже не знают. Как я её отпущу, Стелла, если даже не известно, когда увижу её снова?! Может быть, их увезут на другой конец страны!

– Наша учительница говорила, что родители могут нас навещать, – возразила Молли хриплым, сдавленным голосом. Она знала, что спорить с мамой бесполезно. Но она должна была попытаться.

– Как я буду тебя навещать, если вас увезут куда-нибудь... в Уэльс?! У меня магазин, я не могу его бросить надолго, – устало проговорила мама. – Я хочу, чтобы ты была дома,

Молли. У меня на глазах.

– По радио сказали... – Стелла потрянула головой, словно стараясь упорядочить мысли. – Они сказали, что эвакуация школьников начинается безотлагательно, но это не значит, что война неизбежна. Мама, если они так сказали, значит, всё очень серьёзно. Обычно так говорят, чтобы всех успокоить. Как дантист уверяет, что рвать зуб совершенно не больно. Они тоже пытаются нас успокоить. Война будет, мам. Она может начаться в любую минуту. Молли надо уехать. Лондон будут бомбить, и она может погибнуть.

– Мы все можем погибнуть. – Мама оторвалась от прилавка и расправила плечи. – Неужели ты не понимаешь, Стелла? Вашего папы уже нет с нами... Молли его даже не застала. Я живу без него столько лет... Я не хочу потерять и Молли тоже. Если нам суждено умереть, мы умрём вместе. Неужели ты не понимаешь?

Глава вторая

– Она уже сухая.

Молли моргнула и уставилась на тарелку у себя в руках, которую до этого яростно вытирала кухонным полотенцем. Бerti, жавшийся к её ноге, встрепенулся, поднял голову и с надеждой принялся. Он ждал угощения, но Молли было нечем его угостить. В последнее время им самим не хватало еды, всё съедалось дочиста.

– Ты сотрёшь с неё весь рисунок, – улыbnулась Стелла. Шутка вышла так себе, но Молли всё равно улыbnулась. Попыталась улыbnуться. Она поставила тарелку в буфет и взяла следующую, которую Стелла только что вымыла. Так у них заведено: мама готовит – Молли со Стеллой моют посуду. Так было вчера и сегодня – и так будет завтра. Каждый день одно и то же.

– Всё изменится, – пробормотала Стелла, и Молли испуганно вздрогнула. Сестра как будто прочла её мысли. – Я знаю, как ты хотела поехать в деревню.

– Все мои подруги едут, – сказала Молли, стараясь не грохнуть тарелкой о стол в бессильной ярости. – Почему всё так несправедливо?! Мама хочет, чтобы меня убило бомбой! Она сама так сказала!

– Она имела в виду совершенно другое. Ты сама это знаешь. Она просто... не может забыть, Молли. Она так горе-

вала, когда умер папа. Она ухаживала за ним, когда у него начали отказывать лёгкие. Он лежал наверху, и она к нему бегала из магазина по сто раз на дню. И теперь ей страшно с тобой расставаться.

– Я не буду здесь жить, когда вырасту, – сказала Молли, сердито сверкая глазами. – Когда я стану старше, как ты, я найду работу и уйду из дома. Я не буду работать в мамином магазине!

Стелла как-то странно покосилась на неё, потом опустила голову и уставилась на мыльную воду в раковине. Вид у неё был почти виноватый, и Молли придвинулась ближе к сестре:

– Стелла, что ты сделала?

– Ничего!

Однако у неё горели щёки. Она явно врала.

– Так уж и ничего? – Опустив руку в раковину, Молли брызнула на сестру грязной водой. Стелла взвизгнула и отскочила. – Скажи правду, Стелла! Ты нашла другую работу?

Почему бы и нет? Молли вдруг поняла, что Стелле даже не обязательно оставаться в родительском доме. Она достаточно взрослая, чтобы жить самостоятельно. Сейчас ей семнадцать, а совсем скоро будет восемнадцать. Она может жить в общежитии или снять комнату.

– Ещё нет. – Стелла покраснела ещё сильнее. – Но собираюсь. – Она решительно подняла голову и посмотрела прямо в глаза Молли. – Я хочу вступить в армию. Может быть,

в Женский вспомогательный территориальный корпус. Я хотела записаться в Женскую службу ВМС, но Перл, наша соседка, говорит, что туда берут девушек только из богатых семей.

Молли уставилась на сестру открыв рот:

– Когда ты говорила с Перл?

Мама категорически не одобряла общения с Перл, которая ходила в кино с парнями, причём каждый раз с разными, и ярко красила глаза и губы. Мама всегда говорила, что приличная девушка не должна так краситься. Немного пудры на щёки ещё допустимо, но не более того.

– Во дворе, когда развешивала бельё. Она хочет вступить в Женскую вспомогательную службу ВВС, но я туда не решусь. – Стелла покачала головой. – Перл говорит, девушкам не придётся летать. Это наземная служба, но всё равно. Меня подташнивает при одном только взгляде на самолёты.

– А что делают в этом Женском территориальном корпусе? – спросила Молли. – И откуда ты о нём узнала? – Она задавала вопросы, чтобы заглушить неприятное гулкое чувство, нарастающее внутри. Стелла уходит из дома. Стелла уходит, а она остаётся совсем одна. Вдвоём с мамой, да, но как будто одна. Даже хуже, чем просто одна. Она присела на корточки, обняла Берти, и тот радостно облизал ей лицо.

– Так по радио постоянно о нём говорят. И я прочитала брошюру, которую бросили в почтовый ящик. – Стелла вновь принялась мыть посуду. – Информация о воинской

службе для невоеннообязанных. Там даже не упоминалась Женская вспомогательная служба ВВС. Это совсем новая служба. Перл любит всё новое.

– Каждую неделю новый кавалер, – пробормотала Молли. Так говорила мама. Молли сама толком не поняла, зачем она это сказала. У неё просто вырвалось. На самом деле ей нравилась Перл. Она всегда здоровалась с Молли и однажды угостила её шоколадной конфетой из настоящей фабричной коробки с красивой картинкой на крышке.

– Не говори глупостей. В общем, так. Женский вспомогательный территориальный корпус – та же армия, но для девушек. Я не знаю, что именно буду делать. Это может быть что угодно. – Стелла мечтательно посмотрела в окно. – Может быть, меня научат водить машину. Представляешь меня за рулём, Молли? – Она секунду подумала и вздохнула. – А может, меня поставят мыть посуду на кухне. Точно как здесь. Но не здесь, понимаешь?

Молли кивнула. Она очень хорошо понимала сестру.

– Завтра иду подавать документы.

Берти вдруг вырвался из объятий Молли и настороженно подошёл к двери. К полуоткрытой двери.

– Стелла... – прошептала Молли, и сестра обернулась, широко распахнув глаза.

– Ты никуда не пойдёшь, – сказала мама, распахнув дверь пошире и чуть не задев Берти. – Я тебе запрещаю.

Молли думала, что сестра послушно кивнёт и продолжит

мыть посуду, как было всегда. Но Стелла расправила плечи, взяла полотенце, которое Молли оставила на столе, и стала вытирать руки, очень медленно и очень тщательно.

– Я не спрашивала твоего разрешения, – спокойно проговорила она, не глядя на маму. – Ты меня не удержишь.

Молли, пристально наблюдавшая за Стеллой, вдруг поняла, что сестра вытирает руки, чтобы было не слишком заметно, как они дрожат. Мама, наверное, всё же это заметила, но Молли подумалось, что, делая вид, будто ей вовсе не страшно, Стелла действительно становилась смелее.

– Я твоя мать. Тебе всего семнадцать.

– Через месяц уже восемнадцать. – Скрутив полотенце в руках, Стелла в упор посмотрела на маму. – И как ты меня остановишь, когда я стану совершеннолетней?

– Если ты это сделаешь... – Мамин взгляд метался по кухне, пока она пыталась придумать, чем пригрозить старшей дочери. – Домой можешь не возвращаться. Я тебя не пушу.

Стелла пожала плечами:

– В Женском вспомогательном корпусе есть казармы, как в армии. Скорее всего, мне в любом случае придётся туда переехать.

Молли не сумела сдержаться. Она вцепилась в рукав жёлтой кофты Стеллы, умоляюще глядя на сестру. Та накрыла руку Молли ладонью и крепко сжала, пытаясь унять дрожь.

Мама усмехнулась:

– И её ты больше не увидишь. Если уйдёшь, то уже не

вернёшься. Так что попрощайся с сестрой сейчас.

– Ты сама понимаешь, что говоришь?! – внезапно взорвалась Стелла. – Мы же вместе ходили на это собрание по мерам противовоздушной обороны. Ты сама слышала, что они говорили о воздушных налётах и газовых атаках. Ты не слушаешь радио? Тебе всё равно, будет война или нет? Нужды фронта тебя не волнуют?

Мама покачала головой:

– Нет, не волнуют. Последняя война убила твоего отца, хотя он умер от отравления газом только через пятнадцать лет. Я не хочу в этом участвовать. Не хочу. И Молли останется дома, со мной.

Плечи у Стеллы поникли:

– Ты просто не понимаешь! Мама, нас будут бомбить. Никто не останется в стороне. Хочешь ты в этом участвовать или нет – война всё равно коснётся каждого. И тебя тоже. – Высвободив рукав из пальцев Молли, она обошла стол и взяла маму за руки. – У нас у каждой есть противогаз. Зачем, как ты думаешь? Опять будут газовые атаки. Тем же газом, который отравил папу.

– Не смей так говорить!

Стелла взяла маму за плечи и хорошенько встряхнула. На самом деле слегка, но мама была вялой, как тряпичная кукла, – она пошатнулась, прижалась к Стелле, уткнувшись лицом ей в плечо, и Молли услышала, как мама тихо плачет.

Следующим утром Молли проснулась от того, что Берти облизывал ей лицо. Она фыркнула, рассмеялась и мягко оттолкнула его от себя. Вообще-то ему запрещается спать у Молли в постели, но вчера мама со Стеллой весь вечер ругались, плакали, обнимались, снова ругались и плакали, и у них просто не было сил проследить, выгнала ли Молли собаку из комнаты на ночь. Молли взглянула на кровать сестры – Стелла ещё спала. Было ещё очень рано, но уже довольно светло. В других домах по всему кварталу дети наверняка уже встали и теперь, собираясь к выходу, в последний раз проверяют, всё ли им положили с собой, в последний раз завтракают у себя дома.

– Хочешь выйти на улицу? – шёпотом спросила она, и Берти завилял хвостом, снова лизнул её в щёку и тихонечко закусил.

Молли строго шикнула на него, поднялась с постели и, надев платье и кофту, спустилась по лестнице, держа Берти за ошейник, чтобы он не лаял и не путался под ногами. В хлебнице ещё осталось полбуханки хлеба. Молли отрезала тол-

стый ломоть, схватила свой противогаз, висевший на крючке у входной двери, и бесшумно выскользнула из дома. Берти вышел следом за ней, с надеждой глядя на кусок хлеба у неё в руке. Молли разломилла его пополам: половину себе, половину Берти. Хлеб закончился быстро, они не успели дойти даже до конца улицы, и Молли совсем не наелась. И Берти, кажется, тоже.

– Больше ничего нет, – сказала она, показав Берти пустые ладони, и он уставился на неё огромными изумлёнными глазами, в которых явно читалось сомнение. – Я покормлю тебя позже, когда вернёмся домой, – пробормотала она. – Уже скоро, честное слово.

Когда они завернули за угол и вышли на главную улицу их квартала, Молли увидела вереницу детишек, идущих в сторону школы. Сегодня они были тише обычного и почти все шли с родителями, хотя всегда ходили в школу самостоятельно. Одна из одноклассниц Молли обернулась и удивлённо уставилась на неё. Было вполне очевидно, что Молли с ними не едет: она была без пальто и без сумки с вещами и держала на поводке маленькую собачку.

– Разве ты не едешь? – крикнула Элси с другой стороны улицы.

Молли покачала головой.

– Мама сказала, что нет, – крикнула она в ответ, ещё крепче зажав в кулаке поводок Берти. – Она хочет, чтобы я была дома.

Мама Элси покачала головой с явным неодобрением и ускорила шаг, подгоняя вперёд Элси и её младшую сестрёнку.

Молли медленно шла вперёд, отступая к краю тротуара всякий раз, когда её обгоняли спешащие семьи. У школьных ворот уже собралась большая толпа мам и пап. Дети заходили во двор, дежурная учительница отмечала в списке их имена. Молли остановилась у решётчатого забора и стала наблюдать, как учителя расставляют детишек в колонны по классам. Школьный сторож топтался у ворот, перекладывая из руки в руку табличку с надписью «Школа на Хенли-роуд». Элси что-то взволнованно шептала Салли и Джин, её младшая сестрёнка с несчастным видом прижимала к груди потрепанного плюшевого медвежонка. У некоторых детей были с собой чемоданы или холщовые саквояжи, но у большинства – либо наволочки, набитые вещами, либо просто большие бумажные пакеты.

Салли вырвалась из строя и подбежала к Молли, стоящей за забором. Следом за ней подбежала и Джин. На груди у обеих висели привязанные к верхним пуговицам пальто багажные бирки с их именами, аккуратно написанными на бумажках в прозрачных окошках, словно девочек собирались и вправду сдавать в багаж.

– Что случилось? Элси говорит, ты не едешь. Но ты же поедешь, да? Ты же есть в списке.

– Мама меня не пускает. Она говорит... – Молли умолкла

на полуслове. Она не могла повторить перед Салли и Джин слова мамы о том, что умереть лучше вместе. Особенно в эту минуту, когда подружки готовились ехать в эвакуацию, а их родители оставались в Лондоне. – Говорит, она не хочет, чтобы я жила у каких-то чужих людей.

К ним подбежала одна из учительниц:

– Девочки, ну-ка быстро идите к своему классу. Через пару минут мы выходим. Молли Мейсон, что ты делаешь там, за забором?

– Я пришла попрощаться, мисс.

– Разве ты не едешь?

– Мама сказала, что я никуда не поеду.

Учительница нахмурилась:

– Тогда тебе лучше вернуться домой, милая. Мы вот-вот выходим.

– Да, мисс.

Но Молли не пошла домой, а лишь отступила подальше от забора, но так, чтобы видеть, что происходит на школьном дворе. Берти прижался к её ногам и жалобно заскулил. Молли шикнула на него, хотя понимала, что он прав: мама со Стеллой уже наверняка её ищут. Хотя, может, они ещё спят или пока не заметили, что её нет? Может быть, ещё не поздно подойти к учительнице, добавить своё имя в список и всё же уехать в деревню вместе со всеми – и не чувствовать себя брошенной и забытой?

Но у неё с собой нет вещей, зато есть Берти. И куда она с

Берти? Молли вздохнула, глядя, как колонна детей потянулась к выходу со двора. Впереди степенно вышагивал школьный сторож, держа над головой табличку с названием школы. Родители, столпившиеся у ворот, расступились, пропуская детей, и тут же бросились следом за ними, загородив Молли обзор. Она уже не видела Салли и Джин, они затерялись в толпе. Волоча за собой Берти, Молли помчалась вперёд, чтобы опередить колонну школьников и встать в таком месте, где ей будет всё видно. Она поднялась на крыльцо какого-то магазина – как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо идёт её класс. У всех ребят были багажные бирки, привязанные к пуговицам пальто. Салли плакала, и Пит, её брат, тоже плакал, и их мама тоже. Джин дала Салли носовой платок, и та даже не посмотрела на Молли, хотя Молли звала её и махала рукой. Она уже чувствовала себя брошенной. О ней уже все забыли.

Молли на цыпочках вошла в кухню, надеясь, что там никого нет, но там оказалась Стелла.

– Где ты была? – с беспокойством спросила сестра. – Куда ты умчалась в такую рань?

– Ходила к школе, – пробормотала Молли. – Все наши уехали в эвакуацию. Я их провожала. А ты куда собралась? – спросила она, только сейчас заметив, что Стелла одета как для выхода и на ней её лучший жакет.

– Подавать документы в Женский территориальный корпус.

– Да ты что?! Она тебе разрешила?!

Стелла сняла с плиты закипевший чайник и стала заваривать чай.

– Я не спрашивала у неё разрешения. Как я уже говорила, она не может мне запретить.

– А как же я?

– Она не выгонит меня из дома. Мало ли что она грозилась. Она просто... просто ругалась. Ты же знаешь маму.

Молли шмыгнула носом:

– Конечно знаю. И теперь ты уйдёшь в свою армию, а мне придётся остаться с мамой вдвоём. Всё время только вдвоём. Я даже в школу пойти не смогу!

Стелла растерянно заморгала:

– Почему?

– Потому что школы не будет. Её уже нет, – сердито проговорила Молли. – Все уехали в эвакуацию. Учителя точно все, и почти все ребята. Теперь школа будет... я даже не знаю где. Там, куда их повезли.

– А разве в городе не осталось никаких школ?

– Я не знаю. Мне никто ничего не сказал. Тебя тут не будет, и мне придётся одной помогать маме в её магазине. С утра до вечера, день за днём. – Молли уныло взглянула на дверь в кладовую и с ужасом представила все эти длинные полки, на которых лежат товары: их надо будет перебирать, и считать, и счищать с них пыль. Целыми днями. Какая тоска.

– Должны быть какие-то школы, – пробормотала Стелла. – Не все дети уехали в эвакуацию. Я вчера встретила в булочной миссис Данс. Она мне сказала, что её дети тоже останутся в городе. И наверняка есть и другие, кто не поехал. – Она посмотрела на часы. – Мне пора выходить. Думаю, что до обеда вернусь. – Она взяла со стола шляпку и принялась поправлять её на голове, вертясь перед маленьким зеркалом у двери и что-то тихонечко напевая себе под нос. Молли, наблюдая за ней, сердито хмурилась. Сестра казалась такой счастливой.

– Ты же точно вернёшься? – вдруг спросила она, когда Стелла уже собралась выходить. – Тебя не отправят в казарму прямо сегодня?

– Конечно нет. – Стелла рассмеялась, подошла к Молли и поцеловала её в щёку. – Сегодня я только подам документы. – И она вышла из кухни через заднюю дверь.

Когда дверь захлопнулась, Молли растерянно посмотрела на Берти, и тот сразу завилял хвостом. Он явно надеялся, что его покормят, и дадут что-нибудь посущественнее, чем

полкусочка хлеба.

– Хорошо только то, что мне не придётся расставаться с тобой, – сказала Молли со вздохом. – С тобой и со Стеллой. И с мамой тоже.

Да, она бы скучала по маме. Может, даже больше, чем ей хотелось признать.

Молли уже обошла все магазины, купила всё, что велела мама, и теперь возвращалась домой с тяжелой корзиной. Ручка корзины так сильно врезалась в ладони, что на них появились красные полосы, хотя Молли постоянно меняла руки. Она ужасно устала, ей хотелось скорее добраться до дома, и она чуть не прошла мимо распахнутых настежь школьных ворот, перед которыми стоял маленький грузовичок с закрытым кузовом. Но что-то заставило её остановиться. Откуда здесь грузовик? Школа же закрыта.

Может быть, её снова откроют? Стелла говорила, что не все дети уехали в эвакуацию – и то же самое говорили покупательницы в магазинах, где сегодня была Молли, – но в

городе всё равно стало как-то странно, пусто и одиноко. В гости к Джин или Салли уже не пойдёшь. Молли даже не знает, где теперь её подружки. У бакалейщика она встретила маму Салли, и та ей сказала, что всем детям раздали открытки, чтобы послать их домой с нового адреса. Но они уехали только вчера и вряд ли успели отправить открытки. По воскресеньям почту не носят... а значит, где сейчас Салли и Пит, их мама узнает только через три дня, если не позже.

Все эти мысли пронеслись в голове Молли сумбурным вихрем, пока она стояла на тротуаре, глядя на грузовик и небольшую группу людей перед входом в школу. Что они делают? Молли думала, что школу просто запрут на замок и она так и будет стоять пустая. Может, кто-то из учителей всё же вернётся в Лондон, чтобы учить тех детей, которые не поехали в эвакуацию? Вряд ли взрослым понравится, если все эти дети будут целыми днями без дела слоняться по улицам, правда? Забыв о тяжёлой корзинке, оттягивающей руку, Молли подошла ближе, надеясь услышать, что говорят эти люди, и, если удастся, заглянуть в кузов грузовика. Наверное, в школу привезли учебники. Учительница говорила, что все учебники они забирают с собой, но ведь детям, оставшимся в городе, книги тоже нужны...

– Посторонитесь, мисс.

Молли отступила в сторонку, давая дорогу двум дяденькам в рабочих комбинезонах, которые тащили вдвоём огромную стопку... тонких фанерных листов? Нет, это не

фанера. Что-то похожее, но не фанера. Молли наблюдала, как рабочие поднимаются на крыльцо и входят в школу. На крыльцо вышли мужчина и женщина. Женщина что-то писала в блокноте. На Молли никто не обращал внимания. Поставив корзинку на землю, она заглянула в кузов грузовичка. Там лежало ещё много стопок этих странных листов, похожих на фанеру, и – что ещё более странно – большие рулоны ткани. В основном хлопок с цветочным рисунком. Окинув ткань знающим взглядом, Молли решила, что продаваться она будет плохо. Рисунок немодный и часть рулонов заметно поблёкла.

– А ну брысь, малявка. Не мешай людям работать.

Молли испуганно ойкнула и отскочила в сторону. Увлёкшись разглядыванием ткани, она не заметила, как вернулись рабочие.

– Не груби девочке, Фред. А вы, мисс, и вправду ступайте с богом. Здесь ничего интересного нет.

Тот, второй, вежливый дяденька, улыбнулся Молли, и она набралась смелости и спросила:

– А зачем эта ткань? – У неё в голове вдруг мелькнула тревожная мысль. – Вы её продаёте? Тут поблизости уже есть один галантерейный магазин. Магазин моей мамы.

Первый дяденька, назвавший её малявкой, фыркнул от смеха и вытащил из кузова очередную стопку бледно-коричневых листов. Теперь Молли разглядела, что это картон. Огромные стопки расплюснутых картонных коробок. На-

верное, для упаковки ткани. Хотя это странно. Почему её не упаковали сразу? Почему коробки привезли отдельно?

– Это гробы, любопытная мисс. Картонные гробы. Когда начнутся бомбёжки, деревянных на всех не хватит, а сколачивать новые будет уже недосуг. – Первый дяденька усмехнулся, но его напарник закатил глаза:

– Вообще-то нам было велено не сеять панику. Не бойся, малышка. Это только на всякий случай. На крайний случай. В школе будет вспомогательный морг.

Молли уставилась на него, открыв рот. Их было так много, этих коробок. Так много. Слово «морг» было ей незнакомо, но она поняла, что это значит. Место для мёртвых.

– А для чего ткань? – наконец проговорила она, заикаясь. Но рабочие уже отошли далеко и её не слышали.

Но Молли и так уже всё поняла. Наверное, для саванов. Чтобы заворачивать тела. В военное время нужна экономия. Ничто не тратится понапрасну, и всё идёт в дело. Так постоянно говорят по радио. Это касается каждого гражданина: ресурсы страны надо беречь. К тому же мёртвым уже всё равно, во что их завернут, пусть даже в старую ткань с неприглядным цветочным рисунком.

Глава третья

«Говорит Лондон. Сейчас вы услышите заявление премьер-министра.

Я обращаюсь к вам из кабинета на Даунинг-стрит, десять. Сегодня утром британский посол в Берлине вручил германскому правительству нашу ноту протеста, в которой сказано, что если к одиннадцати часам утра от правительства Германии не последует заявления о готовности немедленно вывести из Польши свои войска, Великобритания объявит Германии войну.

Я вынужден сообщить, что, поскольку мы не получили требуемых гарантий, наша страна вступает в войну с Германией».

Молли вцепилась в руку сестры, а мама судорожно сжала пальцы на шерсти Тома. Рыжий кот возмущённо заёрзал у неё на коленях, вонзил когти ей в юбку и заорал дурным голосом. Мама его отпустила, и Том пулей вылетел из комнаты, в ярости распушив хвост.

Мама потрясённо уставилась на свою юбку.

– Ну вот что ты сделал... – Словно не понимая, что происходит, она принялась теревить нитки, вытянутые кошачьими когтями.

Молли слышала сердитый топот Тома в кухне. Слышала, как он запрыгнул на подоконник.

Берти сидел, прижимаясь к её ногам, и это было хорошо: Берти тёплый, а она очень замёрзла. Пусть он немного её согреет. Голос премьер-министра был старым, печальным и каким-то надломленным. Война всё-таки будет. Она уже идёт. До последней минуты Молли в это не верила. Почти все покупатели, приходившие к ним в магазин на этой неделе, в один голос твердили, что ещё есть надежда, что мистер Чемберлен не допустит войны. Но были и такие, кто утверждал, что Гитлер с самого начала собирался напасть на Британию и война неизбежна. Это лишь вопрос времени.

Сама Молли тоже надеялась, что войны не будет. Надеялась даже тогда, когда все её одноклассники уехали в эвакуацию. В конце концов, они всегда могут приехать обратно, верно? Но надежда угасла, когда Молли увидела, как в её школу заносят картонные коробки. Всё было готово – так тревожно и страшно. Когда всё начнётся, останется лишь развернуть эти сплюсненные коробки.

Молли не рассказала маме и Стелле о том, что видела у школы. Мама по-прежнему делала вид, что война обойдёт их стороной, а Стелла с волнением предвкушала новую жизнь. Надо только дождаться письма с сообщением, когда у неё будут первые сборы. Пока она оставалась дома, но уже казалась свободнее и счастливее, словно уже начала вырываться из удушающей маминой хватки. Молли старалась радоваться за сестру, но к её радости примешивалась ощутимая нотка грусти: у Стеллы будет новая жизнь, а у неё, Молли, всё

останется по-старому.

«Пожалуйста, не выключайте радиоприёмники. Через несколько минут будет передано важное правительственное сообщение. – Из приёмника вырвался громкий колокольный звон, перебив невесёлые мысли Молли. – Говорит Лондон. Прослушайте важное правительственное сообщение.

Все увеселительные заведения закрываются незамедлительно: до особого распоряжения все театры, кинотеатры и другие зрелищные предприятия прекращают работу немедленно... Приказ о закрытии увеселительных заведений связан с тем, что во время бомбёжки места массового скопления граждан подвергаются особой опасности...

Предупреждение от службы противовоздушной обороны: с этой минуты запрещены все гудки и сирены, за исключением полицейских сирен в случае крайней необходимости. В городской зоне гудки и сирены включаются только при угрозе воздушных налётов в качестве меры оповещения граждан. Сигналы воздушной тревоги должны подаваться либо короткими прерывистыми гудками, либо долгим гудком, меняющим тон каждые две-три секунды, либо короткими звуками полицейских свистков. При включении сигнала воздушной тревоги гражданам следует незамедлительно укрыться в ближайшем бомбоубежище. Не покидайте убежище до сигнала об окончании налёта...

Если при воздушном налёте будет применён ядовитый газ, об этом оповестят с помощью трещоток. Если услышите

звук трещоток, не покидайте убежище до объявления о ликвидации угрозы отравления газом».

Раздался оглушительный шелест. Они все сидели затаив дыхание, и внезапный звук показался Молли очень громким и страшным, но это всего лишь Стелла поднялась со стула, подошла к маме и взяла её за руку. Мама ничего не сказала – казалось, она вообще не заметила Стеллу. Её лицо стало бледным и влажно заблестело, как у дорогой восковой куклы.

«Сигнал об отмене опасности отравления подаётся при помощи ручных колокольчиков.

Что касается школ: уроки во всех дневных школах в Англии, Шотландии и Уэльсе, в том числе в школах, отправленных в эвакуацию, отменяются минимум на неделю, начиная с сегодняшнего дня...»

Молли взглянула на Стеллу, хотела сказать «Что я тебе говорила?», но Стелла по-прежнему сидела на корточках рядом с мамой и напряжённо смотрела на радиоприёмник. Она была очень бледной. Слова застыли комом в горле, и Молли ничего не сказала.

«Общие положения: мы просим всех граждан не выходить на улицу без крайней необходимости. Не подвергайте себя опасности. Всегда носите с собой противогаз. Убедитесь, что у вас самих и у всех членов вашей семьи, особенно у детей, способных самостоятельно передвигаться, есть ярлычки с именем и домашним адресом... Пришлите ярлы-

чок к одежде ребёнка в том месте, где он не сможет его оторвать...»

«Зачем?» – удивилась Молли. Мысли носились в голове сумбурным вихрем, перескакивая с одного на другое. Уроков в школах не будет неделю? Значит ли это, что в городе всё же откроются школы? Но в её школе сейчас хранятся гробы... И кинотеатры закрыты. Молли редко ходила в кино, и каждый поход был как праздник. А теперь непонятно, когда их откроют. И как звучит долгий гудок сирены, меняющий тон? Как птичьи трели? И зачем ей ярлычок с именем и адресом?

По радио заиграли «Боже, храни короля», и Молли дёрнулась, чтобы встать. В школе все всегда вставали, когда играл государственный гимн. Так было положено, так было правильно. Но мама со Стеллой остались сидеть, крепко сжимая друг друга в объятиях. Молли неуверенно поднялась на ноги. Берти тоже вскочил и завилял хвостом. Потом он вдруг замер, шерсть у него на спине встала дыбом, а сам он оскалился, показав кончики острых белых клыков.

– Берти? – прошептала Молли, но её шёпот утонул в пронзительном вое, донёшемся с улицы. Звук шёл волнами: то громче, то тише. Точно так же выл Берти, когда его запирали в кухне.

– Это сирена? – Опустившись на корточки, Молли обняла Берти, который тихонько рычал. – Сирена воздушной тревоги? Нас будут бомбить?

– Да, кажется, да. О господи. – Стела резко поднялась на ноги, бешено озираясь по сторонам. – Мама! Надо бежать в убежище. Оно в конце улицы, надо поторопиться.

На их крошечном внутреннем двореке не было места для стального андерсоновского бомбоубежища, но по распоряжению мэрии у них в квартале построили общее бомбоубежище для жителей ближайших домов: врытое в землю полукруглое сооружение из гофрированных стальных панелей, обложенное со всех сторон – и сверху тоже – мешками с песком. Молли однажды заглянула внутрь: там были только скамейки, стоящие вдоль стен, и несколько керосиновых ламп.

– Молли, бери противогазы. – Стелла подняла маму со стула. – Пойдём, мам.

Молли бросилась в кухню, схватила три противогаза в картонных коробках и поспешила к выходу следом за мамой и Стеллой. На улице было полно народу. Из всех домов и магазинов выбегали испуганные соседи. Сирена редела так громко, что Молли казалось: она почти видит расходящиеся по воздуху звуковые волны. Берти жался к её ногам и по-прежнему глухо рычал.

На улице мама как будто очнулась. Она провела рукой по волосам Молли, словно чтобы убедиться, что её причёска не растрепалась. А потом уронила руку и застыла на крыльце, растерянно глядя по сторонам:

– А как же Том? Надо взять Тома. Где он?

– Выскочил в окно на кухне, – сказала Молли, запирая

дверь магазина ключом, который ей дала Стелла.

Мама потянулась к ключу в руках Молли с явным намерением его отобрать, вернуться в дом и позвать Тома, но тут мимо них пробежал молодой человек в чёрном рабочем комбинезоне и военной каске. Он раскручивал над головой деревянную трещотку и кричал во весь голос:

– Все в укрытие! Все в укрытие!

Молли резко толкнула Стеллу:

– У него трещотка! Будет газовая атака! Так сказали по радио: трещотка – сигнал о газе, колокольчик – сигнал, что всё чисто. Стелла, бежим!

Молли схватила Берти за ошейник – в спешке она забыла пристегнуть поводок – и потащила его за собой по улице. Стелла взяла маму под руку и повела её следом за Молли.

Когда они подошли, перед входом в бомбоубежище уже собралась небольшая толпа. Люди заходили внутрь по одному. Ещё один человек в чёрном комбинезоне стоял перед входом и записывал имена всех пришедших. Увидев Берти, он покачал головой:

– С собаками нельзя.

– Но... куда мне его? – беспомощно проговорила Молли.

– Там мало места, малышка, – сказал мужчина в чёрном комбинезоне, и Молли только теперь поняла, что это владелец табачной лавки, где она покупает конфеты. Она не узнала его в военной каске.

– Пропусти её, Джек, – крикнул кто-то изнутри. – Пусть

берёт своего пёсика. Пегги пришла с попугайчиком. Пёсик у неё мелкий, много места не займёт.

– Ладно, но только сегодня. В виде исключения, – пробормотал мистер Тимминс. – Но если он будет проказничать, я его сразу выведу. Понятно?

– Он не будет шалить. Он очень воспитанный, – быстро проговорила Молли, нырнув вместе с Берти в полумрак, где пахло металлом и чем-то затхлым. Берти с опаской принюхался.

– А газ уже есть? – спросила Стелла, усаживаясь на свободное место на длинной скамье. – Там был сотрудник ПО с трещоткой, но я не заметила ничего подозрительного. Газ вообще видно? – добавила она с тревогой в голосе. – Он как облако?

– Это Алфи Харкер погорячился, – сказал мистер Тимминс. – Разволновался, схватил трещотку. Газа нет, и не будет, насколько мы знаем.

– Ох... – Стелла вздохнула и привалилась спиной к стене. – Ты слышала, мам? Всё хорошо. Газа нет.

– Я иду домой. – Мама встала и направилась к выходу. – Дома спокойнее и безопаснее. И мне надо найти кота.

– Нет! – Стелла бросилась следом за мамой и потащила её обратно. – Пожалуйста, сядь.

Её поддержали соседи:

– Не волнуйтесь вы так, миссис Мейсон.

– Присядьте, миссис Мейсон. У кошек девять жизней. И

ваш кот, я уверена, найдёт где спрятаться.

– Берите печенье, милая. В «Вулвортсе» продаётся ломаное. Я взяла сразу большой пакет. Надо быть готовой ко всему.

Зашуршал бумажный пакет с печеньем, и Берти сразу же наострил ушки. Когда пакет передали по ряду, Молли взяла несколько кусочков печенья и потихоньку скормила их Берти. Нельзя, чтобы он расшумелся, иначе его выгонят прямо под бомбы.

– Когда прилетят самолёты? – шёпотом спросила она у Стеллы. – Я их не слышу.

– Здесь мы в безопасности, милая, – сказала женщина, угостившая всех печеньем, и, протянув руку, потрепала Молли по коленке. – Сиди спокойно.

Они все сидели в напряжённом молчании, а если и разговаривали, то едва слышным шёпотом. Все прислушивались, не раздастся ли звук самолётов или даже падающих бомб. Молли не знала, что это будут за звуки. Не знала, чего ожидать, и от этого было ещё страшнее.

– Надо было отправить Молли в эвакуацию, – прошептала Стелла, и её голос заметно дрожал. – Когда они уже прилетят? Ожидание хуже всего.

Молли прислонилась к плечу Стеллы и взяла её за руку. Внезапно дверь распахнулась, с улицы внутрь хлынул свет – такой яркий, что Молли зажмурилась. В дверях возник человек в чёрном комбинезоне, ещё один сотрудник службы

ПО. Он что-то сказал мистеру Тимминсу. Снова включилась сирена. На этот раз долгий ровный гудок.

– Отбой? – спросил один из мужчин, сидящих ближе всех к двери. – Но бомбёжки же не было. Они промахнулись? Куда они вообще целились?

Все поспешили наружу. Молли вышла одной из последних и растерянно огляделась по сторонам. Никаких разрушений от бомб. Жёлто-зелёная краска на крышках почтовых ящиков не изменила цвет. Молли была почти разочарована. У них тут война, а всё осталось точно таким же, как раньше.

Если бы не война, то уже в понедельник начался бы новый учебный год. Обыкновенный учебный год после летних каникул. Но теперь всё было иначе. Прошла неделя странного ожидания непонятно чего – а потом стало ещё непонятнее. Мама была уверена, что школа откроется, как обычно, хотя Молли её уверяла, что здание закрыто. В конце концов мама сама повела Молли в школу, оставив Стеллу присматривать за магазином. На школьных воротах висел замок, а рядом –

табличка, сообщавшая, что школа закрыта на неопределённый срок, до дальнейшего распоряжения. Там ничего не говорилось о вспомогательном морге, но Молли рассудила, что людям не надо знать об этом заранее. Зато там было написано, что родителям детей, не поехавших в эвакуацию, следует обратиться в администрацию районного департамента среднего образования. Мама фыркнула и заявила, что ей недосуг бегать по департаментам. У неё магазин и семья, которую надо кормить.

– Пойдём домой, – раздражённо проговорила она. – Будешь мне помогать в магазине, пока не станет понятно, что делать дальше.

Молли и так помогала маме в магазине всё лето и уходила из дома разве что в школу на инструктаж и иногда погулять с Салли и Джин. Она уныло поплелась следом за мамой. Да, ей редко когда удавалось повидаться с подружками – мама целыми днями загружала её работой. Когда Салли и Джин ей рассказывали, где они побывали и чем занимались на летних каникулах, Молли чувствовала себя лишней. Она пропустила всё самое интересное. А теперь пропускает вообще всё-всё-всё. Салли и Джин уже в Уэльсе. Молли это знает, потому что её мама встретила на улице маму Джин и та возмущалась, что детей увезли так далеко. В какую-то крошечную деревеньку, население которой с приездом лондонских школьников увеличилось чуть ли не вдвое. Молли даже представить себе не могла, как там проходят уроки. Даже если в де-

ревне есть школа, она наверняка совсем крошечная и классы, должно быть, набиты битком.

Когда они вернулись домой, мама сразу отправила Молли по магазинам со списком обычных покупок, к которому сегодня добавилось ещё много всякой всячины. Если верить слухам, которые мама со Стеллой собирают по всей округе, уже совсем скоро все эти товары станут большим дефицитом, а то и вовсе исчезнут с прилавков. Судя по списку, самой важной из всех вещей были шпильки для волос. Стелла просила купить минимум шесть упаковок. В мамином магазине уже раскупили почти все пуговицы и бельевую резинку. Как оказалось, на свете есть множество мелочей вроде бы пустяковых, но жизненно важных, и в военное время их очень трудно достать.

По дороге к аптеке, где надо было купить пузырёк сиропа «Викс» – мама считала его волшебным лекарством от кашля и внезапно решила, что надо сделать запас, – Молли увидела длинную очередь перед входом в ветеринарную клинику. Молли однажды туда заходила, покупала витамины для Берти, потому что они со Стеллой переживали, что Берти совсем не растёт. Впрочем, витамины не помогли. Если Берти и подрос, то совсем незаметно.

Молли ни разу не видела, чтобы к ветеринару стояла очередь. Когда она покупала витамины, в приёмной сидели только какая-то девочка в обнимку с огромным кроликом и две тётеньки с собаками. А теперь люди стояли даже на

улице. С собаками на поводках и кошками в плетённых корзинках. Если какая-то из собак подходила слишком близко к кошачьей корзинке, оттуда доносилось свирепое шипение, и один раз Молли увидела, как из-под крышки высунулась сердитая лапа с когтями. Любопытный пёс испуганно отпрянул и прижался к ногам хозяина.

Наверное, все эти люди пришли закупить лекарства для питомцев, подумала Молли. А может, витамины, которые она покупала для Берти. Там на коробке написано, что они успокаивают нервных собак и способствуют росту щенков. Наверняка многие животные нервничают из-за сирен. Не только собаки, но и кошки тоже. Берти вроде бы не особенно испугался сирены, но Молли видела, как он напрягся ещё до того, как она прозвучала. Он явно что-то почувствовал. И если собаки умеют предчувствовать воздушный налёт, неудивительно, что им страшно. Но если хозяева пришли сюда за витаминами – зачем они привели с собой животных? И бывают ли витамины для кошек? Молли ни разу не видела, чтобы мама покупала витамины для Тома. А ведь она так его любит. Если бы были какие-то кошачьи витамины, она бы их непременно купила.

Охваченная любопытством, Молли медленно прошла вдоль очереди, вслух восхищаясь собаками и заглядывая в кошачьи корзинки. Маленький белый терьер с точно такими же пятнистыми ушками, как у Берти, попытался напрыгнуть на корзинку с покупками в руках у Молли. Его хозяйка дёр-

нула за поводок и извинилась:

– Прошу прощения. Вокруг столько людей и животных, вот он и разнервничался. Особенно из-за кошек. – Она издала тихий смешок, но какой-то встревоженный, и Молли ей улыбнулась:

– Ничего страшного. Он очень хороший и похож на моего Берти. Как его зовут?

– Пряник, – сказала женщина, но не улыбнулась в ответ и не подтвердила, что пёсик хороший. Молли подумала, что это странно. Обычно, если она хвалила чьих-то собак на улице, их хозяева с удовольствием рассказывали ей, какие у них замечательные, умные, хоть иногда и озорные питомцы. Женщина подтащила собачку ещё ближе к себе и отвернулась, словно Молли сказала какую-то грубость.

Молли уже пошла дальше, но тут женщина подхватила пёсика на руки и прижала к себе. Молли заметила, что она плачет.

– Извините, пожалуйста, – быстро проговорила она. – Он заболел? Я не думала, что вы заплачете. Извините.

Женщина издала странный звук, то ли стон, то ли всхлип, и мальчик-подросток, стоящий в очереди впереди, сердито уставился на Молли.

– У тебя совсем нет ума? – пробормотал он. – Ты своими расспросами делаешь только хуже.

Молли растерянно заморгала. Он разговаривает с ней так, словно она должна знать, что происходит. Но она же не зна-

ет!

– Я просто спросила, – прошептала она. – Я не хотела сделать кому-то хуже. Что случилось с её собакой?

Мальчик всё так же сердито смотрел на неё. Корзинка в его руках тихо поскрипывала. Внутри нервно ёрзал на подстилке маленький чёрный котик. Молли видела, как блестят его золотистые глаза. Кот смотрел на неё так же сердито, как его хозяин. С виду он был абсолютно здоровым, просто слегка недовольным. И Пряник тоже выглядел абсолютно здоровым и даже пытался добраться до фарша в её корзинке с покупками. Все собаки, стоящие в очереди вместе с хозяевами, выглядели очень даже здоровыми, бодрыми и весёлыми. А вот что там с кошками – непонятно.

– Говорят, будет нехватка продуктов, – пробормотал мальчик. – Их будет нечем кормить. И бомбёжки... собаки могут взбеситься. Из-за громкого шума. Так что... – Он пожал плечами и поднял корзинку чуть выше. Чёрный котик заёрзал и возмущённо мяукнул.

У Молли всё похолодело внутри. Все эти собаки и кошки в очереди к ветеринару... они ничем не болеют. Они все абсолютно здоровы.

Молли не пошла в аптеку. Если мама будет ругаться, она просто скажет, что «Викса» не было. Но сейчас ей хотелось скорее вернуться домой. Все люди в очереди стояли молча, осознала Молли, пока шла обратно. Никто ни с кем не разговаривал. Мальчик с чёрным котом сердито смотрел ей вслед,

словно это она виновата, что он принёс сюда своего питомца. Хозяйка Пряника тихо плакала, вытирая глаза платком. Было совершенно ясно, что ей не хочется вести его к ветеринару, но она всё равно поведёт. Она разрешит усыпить своего славного, смешного терьера, потому что никто не знает, что будет завтра. Людям хватает забот и без кошек и собак. Людям надо готовиться к затемнению, собирать детей в эвакуацию.

Людям есть о чём беспокоиться.

Молли повернула за угол, не выдержала и побежала бегом. У Пряника были такие мягкие, шелковистые ушки в пятнышках, точно как у Берти. Девочке хотелось скорее добраться до дома.

Берти тоже почувал фарш, когда Молли поставила корзину с покупками прямо на пол и наклонилась, чтобы его обнять. На самом деле, корзина интересовала его гораздо больше, чем объятия Молли, но он стойко их вытерпел и даже лизнул девочку в щёку, после чего снова принялся обнюхивать корзину со всех сторон.

– Молли, гони его прочь. У тебя совсем нет ума?! Не видишь, что он лезет к продуктам? – Мама подняла корзину с пола и переставила на кухонный стол, подальше от Берти. – Что с тобой? Ты вся красная.

– Ничего... – Молли отпустила Берти, который отчаянно вырывался из её крепких объятий, и поднялась на ноги, настороженно глядя на маму. Она знает, что происходит у ве-

теринара? Молли не слышала, чтобы кто-то об этом рассказывал у них в магазине, а спрашивать ей не хотелось. Чтобы не подать маме идею.

За окном зашуршало, и на подоконник запрыгнул Том. Осторожно обойдя сушку с тарелками, он запрыгнул на стол, потёрся лбом о мамин рукав и громко заурчал.

Мама радостно заулыбалась – она безумно любила Тома, – погладила его по голове, почесала под подбородком и проворковала ему, что он самый красивый на свете кот. Потом обернулась к Молли:

– Ты купила консервы? Я просила взять банку сардин.

Молли кивнула и принялась рыться в корзинке, чтобы достать банку. Пока она разбирала остальные покупки, мама поставила на стол треснувшее фарфоровое блюдце, на котором они давали Тому еду, и, потянув за колечко на крышке, открыла банку консервов. Том мгновенно почуял рыбу, заурчал ещё громче, как маленький трактор, и так ткнулся лбом в мамину руку, что она чуть не пролила на стол масло из банки с сардинами.

– Осторожнее, глупенький, – пробормотала мама, но не прогнала Тома. И не переставила на пол блюдце, в котором размяла вилкой сардины. Мама разрешила Тому есть прямо на кухонном столе и наблюдала за ним, пока он не слизал с блюдца последние капельки масла. А Том, доев, уселся на столе и принялся умываться лапой, самодовольно поглядывая на Берти, который свернулся на своей подстилке в углу

и смотрел на него с завистью и тоской.

Мама поставила блюдо в раковину и, не сказав ни единого слова, ушла обратно в торговый зал.

Молли застыла посреди кухни, глядя на блюдо в раковине. Целая банка сардин одному Тому?! Просто так, да ещё прямо на столе?! Обычно Том получал только маленький кушочек сардинки, когда они открывали банку для себя.

– Знаешь, Том, я бы на твоём месте не сидела такая довольная, – прошептала Молли дрожащим голосом.

Том посмотрел на неё, продолжая вальяжно умываться. Он ни капельки не тревожился, зато Молли тревожилась за двоих.

В магазине было полно покупателей – кажется, все соседи решили сделать запасы заранее, точно как Стелла со шпильками для волос, – и Молли носилась как угорелая то в кладовку, то из кладовки, то на кухню поставить воду для чая. У неё не получалось поговорить со Стеллой с глазу на глаз и рассказать ей о своих подозрениях. Молли целый день

украдкой наблюдала за мамой. Почему мама решила побаловать Тома? Она сейчас хмурится потому, что чувствует себя виноватой, или она чем-то встревожена, или её разозлила миссис Баррет, которая требует швейные нитки шести разных цветов, хотя ей уже сказали, что у них таких нет? Трудно понять. Но у Молли никак не шла из головы целая банка сардин. При всей любви к Тому мама никогда его так не баловала, никогда.

За ужином мама сказала:

– Завтра я собираюсь сходить в департамент образования и узнать насчёт школы для Молли. Наверное, тебе придётся ходить в какую-то другую школу, не так близко к дому. – Она надолго задумалась и покачала головой. – Но по радио говорят, что не надо выходить на улицу без крайней необходимости. Я уже ничего не понимаю. Вообще ничего.

Молли не стала говорить маме, что надо было отпустить её в эвакуацию вместе со всеми. Ведь если бы Молли уехала, некому было бы защитить Берти и Тома. Эх, знать бы наверняка, что задумала мама! Может быть, просто кажется, что мама сегодня как-то особенно добра к Тому? Может быть, она всего лишь хотела его угостить чем-то вкусным, чтобы он не злился, что она слишком крепко схватила его вчера, во время речи премьер-министра? Молли украдкой опустила руку под стол и дала Берти кусочек хлеба с тушёнкой. Может быть, все её страхи и вправду напрасны. Соберись мама действительно усыпить Тома и Берти, она бы, наверное, пе-

реживала сильнее. И не беспокоилась бы из-за школы.

После ужина сёстры пошли мыть посуду, но тут мама окликнула Стеллу из магазина:

– Стелла! Иди сюда, солнышко. Мне нужна помощь. Надо достать кое-что с верхней полки.

Молли уже стала такой взвинченной, что дёрнулась от крика и чуть не уронила чашку, которую вытирала. Но Стелла ничего не заметила:

– Я сейчас вернусь. А ты пока собери тарелки в раковину.

У Молли дрожали руки. Она поставила чашку на стол и на цыпочках подкралась к двери в кладовку. Но ей было не слышно, о чём говорят мама Стеллой: мешала закрытая дверь между кладовкой и магазином. Берти подошёл к Молли, настороженно виляя хвостом и явно ощущая: происходит что-то не то. Точно так же, как он почувствовал сирену воздушной тревоги ещё до того, как она включилась.

Молли скользнула в кладовку и чуть-чуть приоткрыла дверь. Она почему-то была уверена: мама позвала Стеллу вовсе не для того, чтобы что-то снять с верхней полки. Сейчас они обе стояли у прилавка. Молли не видела их через щёлку, но слышала голоса.

Голос Стеллы звучал встревоженно:

– Я не понимаю, зачем...

– Смотри сама!

Зашелестела газета.

А может быть, не газета. Молли было не видно, что это

такое, а открыть дверь пошире она побоялась.

– Это сегодняшний номер, – сказала мама. – И в нём опять объявление от службы ПО. Рекомендации о мерах предосторожности по домашним животным. Им хорошо говорить, что питомцев можно отправить в деревню к родственникам или знакомым. Они думают, что у нас деньги растут на деревьях! Куда я дену Тома и Берти? К кому? У нас никого нет.

Стелла невесело рассмеялась:

– И никто не поймёт, если станет известно, что ты отправила в эвакуацию кота и собаку, а дочь оставила в городе.

– Не смей так говорить! – Мама повысила голос. – Ты сама знаешь, почему я хочу, чтобы Молли осталась со мной. Так что будем делать?

Стелла долго молчала.

– А что надо делать? – наконец проговорила она.

Мама вздохнула:

– Видишь, что там написано, в самом низу? «Если вам не к кому отправить животных, то милосерднее их усыпить».

– Не может быть!

Снова зашелестела газета, а потом стало тихо. Наверное, Стелла читала статью. Молли затаила дыхание. Официально Берти считался псом сестры, хотя Молли заботилась о нём больше. Стелла никогда не позволит усыпить свою собаку.

– Ты же не собираешься их усыплять? – сказала Стелла, нарушив тяжёлую тишину. – Я знаю, ты не очень-то любишь Берти – но Том! Он живёт с нами уже столько лет. Ты же не...

– Их будет нечем кормить, – пробормотала мама. – Я не хочу, чтобы он голодал. И чтобы он испугался, когда начнутся бомбёжки. Так будет лучше и милосерднее. Миссис Бэнкс заходила сегодня за пуговицами и показала мне брошюру от службы ПО. Рекомендации для владельцев домашних животных. И там говорилось, что безболезненное усыпление – это совсем не жестоко. А заставлять их страдать – это жестоко. И ещё там было рекламное объявление. Есть такие специальные пневматические шприцы...

– Я не стану убивать Берти своими руками!

Молли прижалась спиной к стене и посмотрела на Берти. Его хвостик нервно подёргивался. Берти чувствовал, что происходит что-то важное, но не понимал, что именно. Он сунулся в приоткрытую дверь с явным намерением выбраться в магазин, и Молли схватила его за ошейник и оттащила подальше.

– Я и не говорю, что мы должны усыплять их сами. Мы отведём их к ветеринару на Солсбери-стрит.

– Я их не поведу.

Молли покачала головой. Не такого ответа она ожидала от Стеллы. Стелла должна была сказать: «Нет! Никогда в жизни! Они останутся с нами. Как ты могла даже задуматься о такой жуткой вещи, мам?!» Но она промолчала. За дверью долго стояла тягостная тишина, а потом мама проговорила:

– А больше никому. Завтра я собираюсь в департамент образования и возьму с собой Молли. А ты как раз сходишь

к ветеринару. Оставим на двери табличку, что магазин закрыт... я не знаю... из-за непредвиденных обстоятельств.

– Я не пойду, мама. Я не могу. И потом, они оба не так уж много едят. Том сам охотится на мышей и лишь иногда получает кусочки с нашего стола. А Берти ест в основном требуху – её мясник отдаёт за бесценок.

– Очень скоро мы сами станем есть требуху, – мрачно проговорила мама. – И в данном случае меня волнует не столько еда, сколько опасность. Мы не знаем, как поведёт себя этот пёс, когда начнутся бомбёжки. Ты сама идёшь в армию, Стелла. Ты вечно твердишь о нуждах фронта и о гражданской ответственности. Держать домашних животных в такое время... Это неправильно. Даже непатриотично.

– А что ты скажешь Молли? – пробормотала Стелла. – Она любит Берти, и теперь, когда все её подружки уехали, ей даже не с кем играть. Без Берти ей будет совсем одиноко. Он её друг, как Том – твой друг, мам.

– Что за глупости! Мы держим Тома лишь для того, чтобы он ловил мышей.

– Ты сама знаешь, что это неправда! Ты будешь по нему скучать. И меня здесь не будет, мам. Тебе станет грустно и одиноко.

– У меня есть Молли. И магазин. Скучать будет некогда. Я и так сбиваюсь с ног, а без твоей помощи и вовсе зашыюсь. У меня не будет ни времени, ни желания возиться с котом, и тем более с собакой. Завтра утром ты их отведёшь. Корзинка

для Тома – в шкафу под лестницей. Я достану её перед сном. А Молли мы скажем, что отправили животных в деревню к друзьям, как написано в этой газете.

Послышались шаги. Молли путей вылетела из кладовки, быстро собрала в раковину грязные тарелки, схватила полотенце и принялась лихорадочно вытирать чашку, оставленную на столе.

– Чего хотела мама? – спросила она, когда сестра вернулась в кухню.

– Ничего, – ответила Стелла после неловкой паузы. – Нужно было достать с верхней полки... коробку штопальных иголок. А потом нам показалось, что за стеллажами пробежала мышь. Но нет, никакой мыши не было.

Глава четвёртая

Сегодня. Сегодня Стелла отведёт Берти к ветеринару: уже всё решено.

Молли лежала в кровати, глядя в потолок. Вернее, в темноту, закрывающую потолок. Она тихонько встала, подошла к окну и, чуть отодвинув новую штору, чёрную и тяжёлую, выглянула наружу. На улице уже светало, но в комнате было темно, как самой глубокой ночью. Молли сама помогала маме клеить полоски чёрной бумаги по периметру оконного стекла, чтобы ни один лучик света не просочился наружу. Плафон лампочки под потолком тоже был обёрнут чёрной бумагой, но сейчас свет не горел.

Стелла ещё спала и тихонько сопела в подушку. Мама наверняка тоже спит в своей комнате напротив. Мама и Стелла всегда спали крепко, наработавшись за день в магазине.

Вчера вечером Молли решила, что не стоит выходить из дома посреди ночи. Девочка с собакой, бродящая по улицам Лондона в темноте, наверняка привлечёт к себе внимание. Кто-нибудь непременно её остановит и вернёт домой. Но рано утром – другое дело. Тем более что ей надо выспаться перед дорогой. Хотя выспаться не получалось. Молли очень долго не могла уснуть: всё размышляла о своём плане, мысленно перечисляя, что может пойти не так. Да всё что угодно! Их со Стеллой кровати стояли вплотную, и Молли слы-

шала аромат фиалковой туалетной воды, которой всё время душилась сестра. Молли всегда ненавидела этот запах. Ей хотелось разбудить Стеллу и сказать: она не должна делать то, что велит ей мама.

Но Молли знала, что это будет без толку. Стелла уже стала другой, хотя война началась только позавчера. Стелла записалась в армию, хотя мама ей строго-настрого запретила. И непослушание сошло сестре с рук. Стелла не будет ругаться с мамой из-за Берти и Тома. Сейчас, когда она победила в своей личной войне, ей не захочется вновь сердить маму. Стелла не вступится за Берти и Тома. Она сама отведёт их к ветеринару.

Вечером Молли взяла с собой в постель щётку для волос и положила её на подушку, рассудив, что если она крепко уснёт, то, перевернувшись во сне, наткнётся щекой на щетину и сразу проснётся. Но Молли так и не уснула – разве что временами дремала, но в основном просто ворочалась с боку на бок и прислушивалась к часам на церковной башне в конце их улицы. Колокольный звон запретили, но часы по-прежнему отбивали каждый час. Совсем недавно пробило четыре.

Если она собирается уходить, то уходить надо прямо сейчас.

Вчера Молли весь вечер просидела в гостиной, помогая маме штопать чулки, и слушала по радио органную музыку. После музыки снова включился блок объявлений о ме-

рах противовоздушной обороны, противогазах и именных ярлычках для детей. Стелла уже пришила к подкладке пальто Молли тканевый ярлычок: кусочек белой материи с надписью, сделанной несмываемыми чернилами. Они с мамой решили, что бумажный ярлык не продержится и дня. Мама заказала большую партию чернил и поставила на прилавок табличку, что к каждому купленному флакону прилагается столько-то кусочков ткани в подарок.

Молли знала, что если она собирается сбежать из дома, ярлычок с именем и адресом надо оторвать сразу. Нельзя, чтобы кто-то узнал, кто она на самом деле. Она посмотрела на Стеллу. Хотя глаза уже привыкли к темноте, она всё равно почти ничего не видела. Стелла была просто холмиком под одеялом. Но, судя по ровному дыханию, она крепко спала. Молли бесшумно присела на корточки и вытащила из-под кровати маленький чемоданчик. Она собралась ещё с вечера, пока сестра была в ванной. Взяла всё, что успела найти: второе платье, жёлтую кофту, которую ей связала Стелла, несколько пар носков, несколько носовых платков. Летние сандалии: они чуть-чуть маловаты, но могут и пригодиться. Чемоданчик скрипнул по полу, Стелла тихонько всхрапнула и пошевелилась. Молли застыла. Но сестра не проснулась. Молли схватила платье, висевшее на спинке стула: она оденется в кухне.

Когда Молли спустилась в кухню, Берти радостно бросился к ней, довольный, что она поднялась так рано. В темноте

Молли чуть об него не споткнулась. Присев на корточки, она потрепала пёсика по ушам и прошептала:

– Тише! Хороший мальчик... Только не лай. Не надо лаять.

Можно ли включить свет? Дверь на второй этаж плотно закрыта, мама со Стеллой ничего не заметят. Молли всё же решилась и дёрнула за выключатель. Поставив чемоданчик на стол, она открыла его, быстро переоделась и положила ночную рубашку ко всем вещам, собранным накануне.

Уже надевая пальто, она вспомнила, что Салли, Джин и все остальные ребята носили свои ярлычки на груди. Не рукодельные матерчатые ярлычки вроде того, который Стелла пришила к подкладке её пальто, а настоящие, отпечатанные в типографии – не только с именем, но и с названием школы. Если она собирается затесаться в группу школьников на вокзале и сделать вид, что едет с ними, ей тоже нужен такой ярлычок. «Есть у нас в магазине багажные бирки?» – подумала Молли, кусая губы. Она таких ни разу не видела, но в магазине столько всякой всячины, что она могла просто их не заметить. Но где их искать, вот вопрос! Молли закрыла чемоданчик, уже мысленно придумывая, что скажет, если кто-нибудь спросит, почему у неё нет ярлычка, и вдруг рассмеялась, тут же зажав рот ладошкой, чтобы не разбудить маму и Стеллу.

Бирка была прямо на чемодане! Немного потёртая, с выцветшей надписью на одной стороне бумажки в прозрачном

окошке: папино имя – Альфред Мейсон – и адрес магазина. Но другая сторона оставалась чистой. В буфете, в сувенирной кружке, стояла старая папина авторучка. Она чуть-чуть подтекала, и никто ею не пользовался, но сейчас она подойдёт как нельзя лучше. Молли и раньше брала эту ручку – когда точно знала, что её никто не увидит, – и писала по несколько слов на обрывках бумажных пакетов или на старом автобусном билете. Папина ручка писала красиво и чётко, яркими чёрными чернилами. Надпись, сделанная такой ручкой, будет смотреться гораздо солиднее, чем каракули карандашом или маминой царапучей перьевой ручкой, которую надо макать в чернильницу.

Старательно выводя печатные буквы, Молли написала своё имя и адрес. Она точно не помнила, что ещё значилось на ярлычках Салли и Джин, но там текст был отпечатан, и если кто-то присмотрится повнимательнее к её бирке, то сразу поймёт, что она не настоящая. Но для беглого взгляда вполне сойдёт.

Рядом с кружкой с папиной ручкой стоял старый фарфоровый соусник – в нём мама держала деньги на домашние нужды. Молли не хотела брать деньги, но когда их увидела, уже не смогла отвести взгляд. Деньги ей будут нужны. Надо взять хоть немножко. Наверняка эвакуация из Лондона ещё продолжается и она сможет сесть в поезд вместе с другими детьми – но если нет, ей придётся покупать билет. Про себя Молли рассуждала так: эти деньги мама так и так по-

тратила бы на неё и на Берти. Но, пока Молли отсчитывала десять шиллингов, в животе всё равно неприятно бурлило. Она ощущала себя воровкой. Да, она взяла не все деньги. В соуснике их осталось немало, но эта мысль её совершенно не утешала.

Хватит ли ей десяти шиллингов? Молли никогда не покупала билет на поезд – она и не ездила в поездах, ей никогда не было нужно куда-то ехать. Она даже не знала, куда отправится теперь. Мама Джин не сказала, куда именно увезли её школу. В какую-то деревню неподалёку от Херефорда. Хотя если бы Молли и знала куда, она всё равно бы туда не поехала. Салли не умеет хранить секреты: если Молли появится в той деревне, Салли наверняка напишет об этом маме.

Придётся поехать... куда-нибудь подальше от Лондона. А потом идти пешком.

Молли спрятала деньги в карман, подошла к вешалке на стене у задней двери, где висели противогазы и поводок Берти, и вдруг увидела Тома. Он сидел на буфете и настороженно смотрел на неё, явно не понимая, что происходит. Они с Берти знали домашний уклад. В такую рань в доме никто не встаёт.

Молли потянулась было за поводком, но уронила руку. Она была полностью готова к выходу. Уже в пальто, уличных туфлях и даже в зимнем берете. Она ведь не знает, долго ли ей придётся скитаться вдали от дома. Ей осталось лишь прикрепить поводок к ошейнику Берти – и можно выходить.

Но как же Том? С тех пор как Молли узнала об усыплении животных, она переживала только из-за Бerti. И хотя та несчастная банка сардин вызвала у неё подозрения, Молли не собиралась брать Тома с собой.

Он ей даже не нравился, если честно.

Том вовсе не был ласковым, милым котиком – лишь иногда ластился к маме. Он знает, с какой стороны бутерброд мажут маслом, говорила Стелла. Она называла его рыжим бесом, потому что он вечно бросал в её туфли мышинные хвосты. Том мог позволить себя погладить и даже жмурился, будто ему приятно, а уже в следующую секунду выпускал когти и норовил откусить тебе полруки. И всё же... если оставить его дома, мама со Стеллой отнесут его к ветеринару, чтобы тот его усыпил. Кошачья корзинка уже стояла наготове в углу кладовой рядом с коробкой с детскими чепчиками. Мама думала, что Молли ничего не заметит?

Да, Том не нравился Молли – но это не значит, что его надо убить. Девочка вздохнула и пошла в кладовку за корзинкой, морщась каждый раз, когда пол скрипел под ногами. Том так и сидел на буфете – и явно не собирался спускаться.

– Кс-кс-кс... – прошептала Молли, но он лишь подобрал под себя передние лапы и отвернулся к стене. Позу он принял настолько красноречивую, что Молли чуть не рассмеялась.

Молли открыла холодильный шкаф, взяла промасленный свёрток с обрезками жира от бекона и, встав на цыпочки, по-

махала им перед носом у Тома. Она была абсолютно уверена, что кот поймёт её хитрость – кончик его хвоста характерно подрагивал, – но у неё у самой потекли слюнки от густого солёного запаха беконного жира. Берти тоже почуял соблазнительный запах – виляя хвостом, он так и вился у ног Молли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.